

Кричевский Л.Ю.

Развенчание мифа: Евреи в аппарате ВЧК-ОГПУ в 20-е годы

Среди социальных и национальных сдвигов, вызванных революцией, мировой и гражданской войнами, политикой нового руководства страны, одним из наиболее заметных был приток в города, государственный и партийный аппарат представителей этнических групп, до революции признававшихся властями как инородцы, а после нее получивших наименование "национальные меньшинства".

Исключительно важной роли, которую сыграли национальные меньшинства в революции, гражданской войне, партии большевиков, способствовал ряд факторов. Первым был постоянно декларировавшийся интернационализм большевиков, естественным образом проистекавший из их классового подхода к общественной организации, из их нацеленности на мировую революцию. Вторым существенным фактором, обусловившим взаимную привлекательность друг для друга российского большевизма и национальных меньшинств, явилась недостаточная поддержка новой власти со стороны русской интеллигенции(1). Следует признать, что в глазах очень многих очевидцев революции внутри страны и тех, кто следил за ней из-за рубежа, характер большевистской революции и новой власти очень быстро стал отождествляться с национальной принадлежностью отдельных ее вождей и деятелей.

Олицетворением новой власти были не только ее отдельные представители. Чаще всего она отождествлялась со своим карательным органом — ЧК. А такая параллель еще больше укрепляла во мнении о неместном, привнесённом извне характере революции, чьи интересы защищал орган, в котором инородцы играли столь заметные роли.

Не отличавшийся национальными предрассудками русский историк-социалист С. П. Мельгунов, автор книги "Красный террор в России...", назвал ВЧК "чужеземной опричниной", где особое положение занимают латыши(2). Сегодняшние русские националисты переименовали заглавие книги Мельгунова и говорят о послереволюционном "сионистском терроре в России", имея в виду в первую очередь роль евреев в советских карательных органах.

И русские эмигранты первой волны, и нынешние националисты, говоря об "инородцах в ЧК", по-разному подчеркивали и подчеркивают свое неприятие большевизма, одержавшего в 1917 г. верх в России и победившего (если мы позволим себе соединить эти две точки зрения) в результате "еврейского заговора" при поддержке "латышских штыков".

Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (с августа 1918 г. — ВЧК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности) при Совнаркомом под председательством Ф.Э.Дзержинского была организована 7(20) декабря 1917 г. в Петрограде. В марте 1918 г. ВЧК вместе со всеми центральными органами государства переезжает в Москву.

В феврале 1922 г., с окончанием гражданской войны ВЧК трансформировалось в Государственное политическое управление при НКВД РСФСР. Предполагалось, что новая политическая, военная и экономическая обстановка, связанная с завершением войны и переходом к нэпу, требует и нового качества карательного органа советской власти. Руководство РСФСР декларировало отказ от широкомасштабного террора прежних лет и необходимость ограничения функций и компетенции

ГПУ исключительно политическими задачами. Однако появление ГПУ (преобразованного в ноябре 1923 г. после создания СССР, в Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР) не означало серьезного изменения функций карательного органа, закаленного в годы террора, и теперь переходившего на новые методы работы. Как и ВЧК. ГПУ— ОГПУ оставалось "железным кулаком" революции с достаточно широкими полномочиями.

Предметом нашего внимания стало участие евреев в аппарате ВЧК—ОГПУ в период до конца 1920-х гг. В этот период сошел на нет тот эффект, который революция произвела в социокультурном сознании общества, потерял свою острогу и элемент чрезвычайности. ОГПУ как карательный орган стал постоянно действующим фактором общественной бытия, одной из составных частей установившегося режима. Проблема роли и места евреев (как и представителей других национальных меньшинств) в советском аппарате еще не становилась предметом специального исследования. Вопрос участия евреев в деятельности органов ВЧК—ОГПУ в общих чертах затрагивался в работах зарубежных историков советского еврейства(3).

"Заметное участие евреев в большевистском режиме драматизировалось большим числом евреев в ЧК. Причины популярности среди евреев службы в ЧК не совсем ясны, но поскольку евреев едва ли можно было подозревать в преданности царскому режиму, они считались надежными противниками белых".— полагает американский историк; на его взгляд, служба в ЧК привлекала многих молодых евреев, стремившихся отомстить за погромы и т.п.; с другой стороны, "поскольку ЧК была органом большевистской власти, вызывавшим наибольшую ненависть и страх, антиеврейские чувства возрастали в прямой пропорции к террору ЧК"(4).

Доступная западным исследователям литература и опубликованные источники лишь в малой степени раскрывают степень участия евреев в аппарате ВЧК—ОГПУ. Для плодотворной разработки данной темы наиболее важными, несомненно, являются архивные материалы.

Наиболее ранние из них относятся к деятельности Комиссии по проверке служащих и сотрудников советских учреждений при ВЦИК. Комиссия, работавшая в 1918—1919 гг. провела в сентябре 1918 г. перепись работников советских учреждений Москвы. Анализ первичных материалов переписи по ВЧК — 781 анкета ее сотрудников и служащих — позволяет представить структуру этого органа, социальный облик работников, источники формирования кадров и, по ряду косвенных данных, национальный состав аппарата ВЧК на первом этапе ее деятельности(5).

В фондах центральных партийных органов, хранящихся ныне в РЦХИДНИ (Политбюро, Секретариата, отделов ЦК коммунистической партии(6)) находится — переписка ЦК с ВЧК— ОГПУ по кадровым вопросам; доклады руководителей органа безопасности о состоянии кадров вверенного им учреждения; различные списки, содержащие сведения о национальном и социальном происхождении, профессии, образовании, стаже в партии и в органах ЧК сотрудников и руководителей ей советских карательных органов; статистические сведения об их личном составе.

Особый интерес представляют протоколы заседаний комиссий по проверке и чистке членов партии в аппарат ОГПУ, относящиеся к 1925 и 1929—1930 гг. и хранящаяся в фонде Центральной контрольной комиссии ЦК РКЛ(б)'. (Уже с начала 20-х ни один беспартийный не мог занимать в аппарате ЧК ответственной должности.) Протоколы дают широкое представление о характере чекистских кадров, их социальном и национальном составе, взаимоотношениях между сотрудниками внутри коллектива.

Проблему особенностей национального состава аппарата ВЧК—ОГПУ на первый взгляд можно было бы легко свести к вопросу участия различных этнических групп российского населения в аппарате советской власти. Подобный подход был бы верен, если бы ЧК можно было поставить рядом с любым другим советским, партийным, хозяйственным учреждением или даже с Красной Армией. Однако такое сопоставление представляется не вполне правомерным.

В отличие от любых других советских органов и учреждений, ЧК с первых же дней своего существования, а особенно после объявления красного террора осенью 1918 г., стала объектом массовой неприязни. ЧК боялись и не любили не только противники большевизма, что было вполне естественным. В самой партии, чаще всего среди рядовых ее членов, большевиков со стажем, укоренилась глубокая антипатия к карательному органу и, как следствие, к его сотрудникам. Неприятие ЧК и ее методов нередко приводило к неприятию новой власти. И в этом нет ничего удивительного. Многие в Советской России, начиная от Ленина, заявившего, что "хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист"(8), и заканчивая рядовыми обывателями, полагавшими, что понятия "коммунист" и "чекист" мало чем друг от друга отличаются(9), видели в ЧК олицетворение большевистского режима.

Чекисты и сами осознавали свое особое положение в обществе: "Нам все разрешено, ибо мы первые в мире подняли меч не ко имя закрепощения и угнетения кого-либо, а во имя раскрепощения от гнета и рабства всех"(10). Ряд свидетельств говорит и о том, что в чекистской среде очень быстро возник комплекс самоуничижения. Свою статью в "Известиях", посвященную 5-летию ВЧК—ГПУ, М.И.Лацис симптоматично озаглавил "Чернорабочие революции", нарисовав образ самоотверженных чекистов, вынужденных выполнять самую черную, но необходимую работу(11). В 1921 г. чекисты из далекой Кушки жаловались в ЦК партии на повсеместное презрение к сотрудникам карательных органов со стороны других коммунистов и призывали к уважению к себе как к "мученикам революции"(12).

Что привлекало люд ей на службу в эту организацию? Можно, конечно, предположить, что среди чекистов попадались революционные романтики, идеалисты, настоящие фанатики своего дела. Но большинство источников свидетельствует, что таких людей в ЧК было ничтожно мало, а по мере развития системы органов госбезопасности разговоры о чистом энтузиазме их сотрудников вообще теряют смысл. Многие попадали на работу в ЧК по направлениям партийных и советских организаций, из действующей армии. При всех недостатках чекистской службы существовала достаточно сильные стимулы, которые привлекли к ней многих людей делать выбор в пользу этой работы.

Работники ЧК освобождались от призыва в армию, приравниваясь к мобилизованным на фронт, а позже считаясь военнослужащими действующей Красной Армии(13). Чекисты получали оклады, превышавшие зарплаты красноармейцев и сотрудников большинства советских учреждений, продовольственные и промышленные пайки(14). Меньшевик Григорий Аронсон, сидевший в ЧК в Витебске, Орле и Москве в 1918—1921 гг., наблюдал чекистов вблизи и пришел к таким выводам о причинах, приводивших рядовых сотрудников на службу в карательный орган: "Кто освободился таким путем от мобилизации на фронт, кто соблазнился двумя фунтами хлеба в день и жалованьем, кого потянуло русское озорство, а кто по неспособности к производительному труду пошел в чекисты. Одному льстит, что его сверстники, с которыми он в детстве играл в гайки, сейчас его побаиваются, а другого прельстила легкая жизнь и безнаказанность человека с ружьем"(15). Мотивы могли быть и другими. Часто они зависели от социальных, национальных и культурных факторов.

Особенности этнического состава сотрудников ВЧК—ОГПУ довольно быстро стали обращать на себя внимание. Очевидны свидетельствуют, что представители нерусских народов с самого начала заняли в этой организации очень заметное место. С.П.Мельунов отмечает: "Только в одной ВЧК непосредственных служащих в 1919 г. было более 2000, из них три четверти латышей. Латыши вообще занимают особое положение в учреждениях ЧК. Они служат здесь целыми семьями и являются самыми верными адептами нового коммунистического строя"... Латыши и латышки, зачастую не владея русским языком, ведут иногда допросы, производят обыски, пишут протоколы и т.д.(16).

Активистка партии левых эсеров А.А.Измаилович, находившаяся в московской тюрьме ЧК, вспоминала: "Вся администрация — почти сплошь латыши. Этот революционный когда-то народ теперь специализировался на отхожем промысле шпионства, тюремной охране, провокации и палачестве"(17). В воспоминаниях П.Е.Мельгуновой-Степановой слово "латыш" незаметно превращается в синоним слова "чекист"(18). Гр. Аронсон вспоминает суету, которая царила среди чекистского начальства в преддверии годовщины революции, на которую ожидалась амнистия: "Но коридорам забегали... следователи, большей частью латыши или евреи, студенты, изредка женщины..."(19). Философ Лев Шестов идет еще дальше, обобщая сложившиеся впечатления от латышского "засилья" в ЧК: "Все знают, как работают латышские чрезвычайки..."(20). Мнение о широком участии евреев в органах ЧК было также весьма распространено, однако не столь ярко отразилось в воспоминаниях современников(21). Причин здесь может быть несколько. С одной стороны, наличие евреев в ЧК могло быть не столь заметным в первые месяцы революции. Так, американская журналистка Луиза Брайант, супруга Джона Рида, после своего очередного посещения России в 1921 г. писала: "Все важные посты в Чека занимали и до сих пор занимают латыши и поляки с безукоризненным революционным прошлым. Евреи там едва заметны"(22). С другой стороны, авторы большинства известных воспоминаний об этом периоде — антибольшевистски настроенные социалисты, члены партий с весьма заметным членством еврейской интеллигенции. В этой среде подобное обращение к "еврейской теме", вполне вероятно, могло вызвать "непонимание".

Представления о большом количестве евреев в ЧК тем не менее бытовали весьма и весьма широко. Небезынтересно вчитаться в строки есенинской поэмы "Страна негодяев", где фигурирует комиссар с "говорящей" фамилией Чекистов.

Слушай, Чекистов!
С каких это пор
Ты стал иностранец?
Я знаю, что ты еврей,
Фамилия твоя Лейбман,
И черт с тобой, что ты жил за границей.
Все равно в Могилеве твой дом.
Чекистов: Ха-ха!
Нет, Замарашкин!
Я гражданин из Веймара
И приехал сюда не как еврей.
А как обладающий даром
Укрощать дураков и зверей,
Я ругаюсь и буду упорно
Проклинать вас хоть тысячи лет.
Потому что...
Потому что хочу в уборную,
А уборных в России нет.
Странный и смешной вы народ!
Жили весь век свой нищими
И строили храмы божии.
Да я бы их давно-давно
Перестроил в места отхожие...(23)

Комиссар из "Страны негодяев" — это собиршельный образ еврея-коммуниста, презирающего все русское. Есенину кажется ясным, почему инородны пришли в революцию. Они не чувствуют своей

связи с русским "народом-дикарем", им чужды русская земля, культура, русская духовность. Приобщение к власти дает этим людям возможность "укрощать" русских "зверей". Современники давали разные объяснения большому количеству представителей нерусских меньшинств в ЧК. С.П.Мель-гунов, ссылаясь на бюллетень левых эсеров, так объясняет тягу в ЧК со стороны латышей: "В Москву из Латвии в ВЧК едут как в Америку, на разживу"(24). Луиза Брайант полагает, что русские занимали в ЧК только незначительные должности, а латыши и поляки были там на первых ролях, поскольку, как ей казалось, русские "больше склонны к взяточничеству и легче поддаются влиянию"(25).

Горький, вообще считавшийся юдофилом, очень болезненно воспринимал рост антисемитских настроений в послереволюционной России и одну из причин этого видел в сотрудничестве евреев в органах ЧК. В мае 1922 г., в интервью корреспонденту нью-йоркской еврейской социалистической газеты "Форвертс" Якову Лещинскому Горький сказал: "Я верю, что назначение евреев на опаснейшие и ответственные посты часто можно объяснить провокацией, так как в ЧК удалось пролезть многим черносотенцам,., реакционные должностные лица постарались, чтобы евреи были назначены на опаснейшие и неприятнейшие посты"(26).

С первых же дней работы ВЧК столкнулась с серьезными проблемами комплектования своих кадров. В отличие от большинства государственных органов, ВЧК не могла рассчитывать на помощь в работе со стороны старых специалистов. (Известное мнение о широком сотрудничестве в органах ЧК работников дореволюционных жандармских и полицейских учреждений не подтверждается имеющимися источниками.) Вынужденный отказ от привлечения дореволюционных кадров являлся, с точки зрения властей, положительным моментом и позволял укомплектовать аппарат карательных учреждений "здоровыми" социальными элементами и партийной прослойкой.

Первый историк ЧК М.Лацис отмечал, что на Чрезвычайные Комиссии нельзя смотреть "как на учреждения, составленные из наемных лиц, работающих для получения средств к существованию"(27). Сама ВЧК разъясняла, что в отсутствие правовых законов в эпоху гражданской войны правильно подобранный состав сотрудников ЧК является "единственной гарантией законности "(28).

Отсутствие квалифицированных специалистов в карательных органах создавало на всем протяжении 1920-х особые проблемы для ВЧК—ОГГТУ. Одной из причин постоянно испытываемого ВЧК—ОГПУ кадрового дефицита была невысокая популярность этих органов и службы в них среди членов партии. Партийные и советские структуры нередко отказывали органам ЧК—ГПУ в какой-либо поддержке(29). Коммунисты в армии не хотели помогать Особым отделам — армейским подразделениям ЧК; несмотря на соответствующие директивы, отказывались становиться их осведомителями(30).

Другой причиной постоянного некомплекта в ЧК—ГПУ было отсутствие необходимого количества лиц, преданных революции и одновременно имеющих достаточный уровень хотя бы общего образования.

Постоянный кадровый кризис в органах ЧК следует иметь в виду при анализе статистических данных, отражающих национальные особенности их аппарата. В сентябре 1918 г. в аппарате ВЧК в Москве работал 781 сотрудник. Из национальных меньшинств гам преобладали следующие:

Административно-управленческий аппарат ВЧК и активная часть ответственных сотрудников (начальники и секретари отделов, комиссары, следователи и их заместители, инструкторы и пр.)

составили в 1918 г. 220 человек — около 28% всех работников. Представительство евреев и других национальных меньшинств в этой группе работников ВЧК выглядело следующим образом:

Таблица 2

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА СРЕДИ ОТВЕТСТВЕННЫХ
И АКТИВНЫХ СОТРУДНИКОВ ВЧК НА 25.09.1918 г.³²**

Национальность	Количество	% сотрудников данной категории	% сотрудников данной национальности
Латыши	116	52,7	41,7
Поляки	19	8,6	38,8
Еврей	19	8,6	65,5

Из таблиц 1 и 2 видно, что доля каждого из национальных меньшинств среди ответственных и активных сотрудников ВЧК возросла по сравнению с долей этих национальностей среди общего числа работников Комиссии почти на 25%, в том числе евреев — более чем в 2 раза.

Особое место среди всех ответственных сотрудников ВЧК с первых дней деятельности этого органа занимали комиссары и следователи. В сентябре 1918 г. на этих наиболее важных должностях находилось 112 работников аппарата ВЧК (70 комиссаров, 42 следователя и заместителя следователя). Каков же был национальный состав этих категорий чекистов?

Таблица 3

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ КОМИССАРОВ ВЧК НА 25.09.1918 г.

Национальность	Количество	% от общ. числа комиссаров
Латыши	38	54,3
Русские	22	31,4
Поляки	7	10,0
Еврей	3	4,3

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ И ЗАМ. СЛЕДОВАТЕЛЕЙ
ВЧК НА 25.09.1918 г.

Национальность	Количество	% от общ. числа
Латыши	14	33,3
Русские	13	30,9
Евреи	8	19,1
Поляки	7	16,7

Видно, что среди следователей-чекистов заметно возросла доля евреев. Можно предположить, что такая работа требовала наибольшей квалификации, и этим требованиям, благодаря своему более высокому образовательному цензу, часто могли отвечать именно евреи.

Примечательно, что из 12 следователей отдела по борьбе с контрреволюцией — наиболее важного в структуре ВЧК — половину составляли евреи. У заметной части сотрудников-евреев в графе анкеты переписи служащих ВЧК в ответе на вопрос о последнем месте работы указаны учреждения, находившиеся в местах традиционного проживания евреев (Одесса, Могилев, Мстислав, Смоленск и пр.). Можно предположить, что значительная часть чекистов-евреев первого поколения происходила из бывшей черты оседлости и соседних с ней районов.

Интересны данные о партийности чекистов-евреев в 1918 г. Обращает на себя внимание высокий для ВЧК процент беспартийных среди них — 28,6%. Среди латышей процент беспартийных самый низкий среди всех национальностей, представленных в аппарате ВЧК, — 10,4%.

Данные, приводимые в анкетах работников ВЧК переписи 1918 г., позволяют сделать некоторые выводы об источниках формирования ее кадров. Наиболее важную роль при приеме на службу в ЧК в эти годы играли личные рекомендации, которые в некоторых случаях могли облекаться в форму рекомендаций какой-либо партийной или советской инстанции. Кадровый дефицит мог восполняться при помощи личных связей сотрудников ЧК. Именно эта система личных рекомендаций способна в значительной степени объяснить весьма заметное представительство в этом органе латышей и, в меньшей степени, евреев. В анкетах служащих и сотрудников — латышей можно найти десятки подтверждений того, что родственники рекомендовали друг друга для работы в ВЧК и переезжали в Москву целыми семьями. Такая "клановость", характерная почти исключительно для латышей, могла быть связана не только со стремлением устроить родственников и знакомых на хорошее место в Москву, но с и желанием вывезти их из оккупированной в тот момент немцами Латвии"(33). (В анкетах есть многочисленные примеры того, как родственники рекомендовались на технические должности судомоек, сапожников, горничных, кухарок ВЧК.) Отсюда постоянно высокое представительство латышей во всех звеньях структуры ВЧК.

Представительство других национальных меньшинств также в немалой степени было обусловлено этой системой формирования кадров. Сотрудники-поляки рекомендовали своих товарищей по польской социал-демократии. Очевидно, подобная практика имела место и в ряде случаев с чекистами-евреями.

Интересные сведения можно почерпнуть из статистических материалов о личном составе секретных отделов губернских чрезвычайных комиссий на июнь-июль 1920 г. (в 1919 г. секретные отделы пришли на смену отделам по борьбе с контрреволюцией), проводя в центре и провинции борьбу с антикоммунистическими организациями и политическими партиями, надзор над духовенством и т.п.). Сведения о национальном составе секретных отделов — самого активного звена в структуре органов ЧК — рисуют следующую картину (1805 сотрудников по 32 губерниям.):

Таблица 5

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ СЕКРЕТНЫХ ОТДЕЛОВ 32 ГУБЧК
ПО СОСТОЯНИЮ НА ЛЕТО 1920 г.³⁴**

Национальность	Количество	% от общ. числа сотрудников СО
Русские	1357	75,2
Латыши	137	7,6
Евреи	102	5,6
Поляки	34	1,9
Украинцы	15	0,8
Белорусы	11	0,6
Литовцы	10	0,6
Эстонцы	9	0,5
Венгры	9	0,5

/330/

Еще один важный показатель, отраженный в сведениях о личном составе секретных отделов местных ЧК, — образовательный ценз. В средней школе обучались 12,5% чекистов секретных отделов; закончили курс средней школы — 13,7%; обучались в высших учебных заведениях — 1,1%; получили высшее образование — 0,8%(35). Эти данные подтверждают, насколько остро нуждалась ЧК в образованных кадрах.

Мы имеем возможность сравнить данные о национальном составе секретных отделов в середине 1920 г. с аналогичными цифрами по примерно 50 тысячам сотрудников всех губернских ЧК на конец 1920 г.:

ДОЛЯ ОСНОВНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ В СОСТАВЕ ГУБЧК
ПО СОСТОЯНИЮ НА КОНЕЦ 1920 г.³⁶

Национальность	% от общ. числа сотрудников ГубЧК
Русские	77,3
Евреи	9,1
Латыши	3,5
Украинцы	3,1
Поляки	1,7
Немцы	0,6
Белорусы	0,5

Заметные отличия доли различных национальностей в составе местных органов ЧК по сравнению с центральным аппаратом объясняются особенностями их расселения по территории Советской России. Так, например, основными центрами латышской диаспоры в России, сложившимися уже к 1915 г., к началу немецкой оккупации Латвии, были Москва, Петроград, Харьков, Поволжье и Сибирь⁽³⁷⁾. Еврейское население концентрировалось в первые послереволюционные годы в основном на Украине, в Белоруссии, Москве и западных губерниях Центральной России, составляя в некоторых районах Западного края до 50% городского населения. В общем по стране, и особенно в регионах своей массового сосредоточения, еврейское население было гораздо более многочисленным, чем латышское. Отсюда — значительная разница в средних показателях представительства евреев и латышей в органах ЧК в центре и на периферии./331/

Говоря об удельном весе евреев и других национальностей в центральных и местных органах ЧК, следует принять во внимание не только долю этих национальностей в населении, но и их долю в рядах РКП (б). Последний показатель ярче других может проиллюстрировать степень вовлеченности отдельных национальных групп в революционный процесс. Обратимся к данным о представительстве ряда национальностей в населении страны и среди членов РКП(б) в 1920—1922 гг.:

ДОЛЯ ОТДЕЛЬНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ В НАСЕЛЕНИИ СССР
И В СОСТАВЕ РКП(Б)

(по данным переписи населения 1920 г. в партийной переписи 1922 г.³⁸)

Национальность	% в населении СССР	% от всех членов РКП	Членов РКП на тысячу чел.
Русские	55,00	72,00	3,80
Украинцы	18,20	5,88	0,94
Белорусы	2,55	1,47	1,67
Евреи	2,11	5,20	7,20
Немцы	0,87	0,59	1,98
Поляки	0,40	1,50	10,80
Латыши	0,09	2,53	78,00
Эстонцы	0,09	0,53	16,30
Финны	0,09	0,25	7,96
Литовцы	0,03	0,39	32,80

Видно, что национальные меньшинства, чьи этнические территории оказались за пределами советского государства, отличались очень активным участием в партии коммунистов. Первое место принадлежало латышам, 7,8% которых были членами РКП(б). Это отчасти также объясняет заметное представительство латышей в ЧК. Процент коммунистов-евреев также превышал их долю в населении страны, что может среди прочего объясняться высоким уровнем их урбанизированности.

Преобразование ВЧК в ГПУ не сразу сказалось на характере и составе аппарата органов государственной безопасности. Общий штат ГПУ на первых порах остался точно таким же, каким был штат ВЧК (без войсковых частей) в конце ее существования, — 105000 человек(39)./

Обращает на себя внимание весьма заметная доля евреев в высшем руководстве и секретариате Коллегии ОГПУ — 4 из восьми сотрудников этих звеньев руководства были евреями, что может быть объяснено, в частности, требованиями к образовательному уровню руководителей ОГПУ.

ЛИЦА СО СРЕДНИМ И ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ В РУКОВОДСТВЕ
ОГПУ (ПО НАЦИОНАЛЬНОСТЯМ) НА 15.11.1923 г.⁴¹

Образование	Национальность	Количество	% от лиц с данным образованием
<i>Среднее</i>	Русские	15	45,4
	Евреи	9	27,3
	Поляки	6	18,2
	Латыши	3	9,1
	Всего:	33	100,0
<i>Высшее</i>	Русские	13	65,0
	Евреи	5	25,0
	Поляки	2	10,0
	Всего:	20	100,0

14 из 15 евреев в руководстве аппарата ОГПУ имели среднее и высшее образование (93%), у поляков этот показатель — 8 из 10 (80%), у русских - 28 из 54 (52%), у латышей - 3 из 12 (25%). Эти пропорции в значительной степени способны объяснить те изменения в национальной структуре аппарата, которые происходили по мере роста требований, предъявляемых к карательным органам в 1920-х./333/

Можно сказать, что в эти годы сотрудники-евреи являли собой наиболее образованную прослойку аппарата ОГПУ: поляки — наиболее надежную в партийном отношении (половина членов партии с дореволюционным стажем в руководстве ОГПУ — поляки); латыши — наиболее опытную в боевом отношении и преданную, в силу специфики своего положения в Советской России, группу чекистов. Отмененные тенденции были достаточно устойчивыми и сохраняли свою силу на протяжении 1920-х. В этом убеждает один из наиболее полных и достоверных из имеющихся в нашем распоряжении источников — статистическая ведомость личного состава сотрудников ОГПУ, составленная отделением личного состава Административно-организационного отдела ОГПУ в мае 1924 г. Среди прочих ведомость приводит данные о национальном составе центрального аппарата ОГПУ:

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЦЕНТРАЛЬНОГО АППАРАТА ОГПУ
НА 1.05.1924 г.⁴²

Национальность	Количество	% в аппарате ОГПУ
Русские	1670	69,53
Латыши	208	8,66
Евреи	204	8,49
Поляки	90	3,75
Белорусы	80	3,33
Украинцы	66	2,75
Венгры*	20	0,83
Татары	12	0,50
Эстонцы	12	0,50
Немцы	11	0,46
Армяне	8	0,33
Литовцы	7	0,29
Чуваши	5	0,21
Мадьяры*	3	0,13
Финны	2	0,08
Шведы	2	0,08
Англичане	1	0,04
Итальянцы	1	0,04
Всего:	2402	100,00

* Так в документе.

На фоне постоянного роста численности аппарата ОГПУ в нем в общем сохранялась доля различных этнических меньшинств, установившаяся в этом учреждении в начале 1920-х. При этом в первой половине 1920-х доля национальных меньшинств среди ответственных работников ГПУ была достаточно велика, хотя и стали значительно ниже, чем в аппарате ВЧК. Об этом можно судить на основании анализа данных персонального состава руководящего и среднего звена аппарата ГПУ в 1922 г.:

Таблица 11

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ОТВЕТСТВЕННЫХ
РАБОТНИКОВ ГПУ В 1922 г.**

Национальность	Количество	% среди ответственных сотрудников
Русские	188	54,3
Латыши	69	19,8
Евреи	41	11,5
Поляки	34	9,8
Украинцы	5	1,4
Немцы	4	1,1
Литовцы	2	0,6
Венгры, румыны, эстонцы, швейцарцы, французы	по 1	по 0,3
Всего:	348	100,0

Вторая половина 1920-х гг. отмечена заметным снижением общей доли национальных меньшинств в аппарате ОГПУ. В 1925 г. коммунисты ячейки ОГПУ следующим образом распределялись по национальностям:

Таблица 12

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЯЧЕЙКИ РКП(Б) ОГПУ В ЯНВАРЕ 1925 г.⁴⁴

Национальность	Количество	%	Из них отв. работников	% от отв. работников
Русские	651	66,5	364	65,4
Латыши	164	16,7	75	13,5
Евреи	74	7,6	51	9,1
Поляки	60	6,1	47	8,4
Другие	31	3,1	19	3,6
Всего:	980	100,0	556	100,0

/335/

Снижалась не только общая доля национальных меньшинств, но и доля отдельных национальностей в аппарате ОГПУ. Наиболее заметно уменьшение доли латышей, начиная с середины 1920-х, хотя на отдельных должностях, в том числе и руководящих, латышские кадры еще сохраняли свое влияние. Вот, например, как были представлены национальные меньшинства среди начальников 102 окружных отделов ОГПУ на территории РСФСР, Украины (включая Молдавскую АССР) и Белоруссии в 1927 г.:

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА СРЕДИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ
ОКРУЖНЫХ ОТДЕЛОВ ОГПУ НА 10.02.1927 г.⁴⁵

Национальность	Количество	% к общему числу начальников окружных отделов
Евреи	15	14,7
Латыши	11	10,8
Поляки	6	5,9
Немцы	2	2,0
Грузины	1	1,0
Французы	1	1,0

Высокий процент евреев в этом списке может объясняться тем, что свыше трети окружных отделов, о которых приведены данные, находилось в местах традиционного проживания евреев. 10 из 15 отделов, возглавлявшихся евреями, располагались на территории Украины. Уменьшение доли латышей здесь еще не так заметно.

Однако в том же 1927 г. из 34 ведущих сотрудников ОГПУ латыши оказались лишь на четвертом месте среди награжденных орденами Красного Знамени в связи с 10-летием органов ЧК. В список награжденных включили руководителей центрального аппарата и ряда местных органов ОГПУ. Вот как распределялись награжденные по национальностям: русские — 15 чел. (44,1%), евреи — 8 (23,5%), поляки — 5 (14,7%), латыши — 3 (8,8%), представители мусульманских народов — 2 (5,9%), грузины - 1 (3%)(46).

Анализ социального облика и биографии евреев, работавших в ЧК, добавляет еще один штрих к этой картине. Соответствующие выводы позволяют сделать данные переписи работни/336/ков ВЧК. 1918 г. и протоколы чисток партийной ячейки ОГПУ 1925 и 1929/30 гг(47). Среди сотрудников карательного аппарата мы встречаем уроженцев мест традиционного проживания евреев — Украины, Белоруссии, Бессарабии. Польши, Галиции. Их родители занимались наиболее характерными для еврейского населения видами деятельности (ремесленники, мелкие торговцы, рабочие низкой квалификации, приказчики, купцы, служащие, страховые агенты). Единственная группа еврейского населения, не представленная сколько-нибудь заметно в аппарате ЧК—ГПУ, — выходцы из семей раввинов. Многие будущие чекисты обучались в хедерах. Большинство имели хотя бы неполное среднее образование; немало и таких, кто получил университетское образование в России или Западной Европе. У тех, кто успел поработать до революции, спектр занятий весьма широк, — от сплавщиков леса до учеников аптекаря, гимназических репетиторов и бухгалтеров. Многие евреи приходили в центральный аппарат из местных органов ЧК—ГПУ, местных советов. Красной Армии, советских вузов.

Отдельную группу составляли евреи-реэмигранты, работавшие в аппарате ГПУ. Покинувшие Россию до революции и вернувшиеся после октября 1917 г., многие из них были людьми авантюрного склада. Ярким примером может служить некий Б.М.Розенберг, уехавший в Австралию вместе с отцом (ставшим в этой стране золотоискателем), 12 лет проработавший на консервном заводе и в помощниках у садовника, нелегально вернувшийся в СССР через Китай в 1924 г. и принятый в скором времени на работу в ОГПУ. Подобных людей было немного, но они выделялись среди других

знанием многих иностранных языков и неординарными биографиями.

Сотрудники-евреи могли владеть сразу несколькими языками. (Так, например, уроженец Варшавы или Галиции мог владеть польским, русским, немецким и идишем.) Эти знания особенно привлекали руководство Иностранного и Информационного отделов ГПУ.

Интересно, что значительная часть тех чекистов-евреев, кто по возрасту мог быть политически активными еще до революции, вплоть до начала 1920-х являлись членами небольшевистских партий. В 1929—1930 гг. эти люди составили около 30% евреев — членов ВКП(б), служивших в аппарате ОГПУ. Более половины из них (16%) в разные годы были членами/337/еврейских партии: Бунда, Еврейской социал-демократической рабочей партии "Поалей Цион", левой сионистской партии "Цеирей Цион". Из других небольшевистских партий евреи — сотрудники ГПУ ранее состояли в партиях эсеров, украинских левых эсеров-боротьбистов, анархистов-коммунистов. Польской социалистической партии (П ПС-левица).

Несмотря на высокий процент бывших членов национальных партий, чекисты-евреи, судя по имеющимся данным, не были особенно тесно связаны со своей национальной средой, не являлись членами Еврейских секций РКП (б) и не стремились сотрудничать в еврейских учреждениях. Отметим, что степень знания родного языка евреями — сотрудниками ГПУ, определяющая уровень их аккультурации, вполне сравнима с этим показателем для евреев предреволюционной России. В 1924 г. из 204 евреев, служивших в аппарате ОГПУ, языком идиш владели 190 человек, то есть 93%(48).

Достаточно сложно определить, как рассматривали себя с национальной точки зрения сами чекисты-евреи. Один из источников позволяет лишь отчасти осветить этот вопрос. 13 апреля 1919 г. заведующий Инструкторским отделом ВЧК Г.С.Мороз составил и передал в ЦК РКП(б) доклад "О положении еврейских масс в Западном крае". Незадолго до этого Мороз оказался первым евреем, назначенным членом Коллегии ВЧК(49). По делам службы ему пришлось за короткий срок посетить ряд городов и местечек Западной области (западные районы РСФСР и Восточная Белоруссия). Столкнувшись с повсеместными проявлениями антисемитизма, Мороз убеждает ЦК партии в необходимости принять меры для борьбы с ним. Член Коллегии ВЧК обращает внимание на тяжелое экономическое положение евреев, предлагает шаги по его улучшению (помощь еврейским организациям в поселении евреев на землю), призывает к проведению соответствующей агитации и пропаганды, рекомендует провести кадровые перестановки, официально убрав евреев в городах бывшей черты оседлости, наиболее зараженных антисемитизмом, с ответственных "комиссарских" постов, советует влить евреев-коммунистов в ряды Красной Армии в качестве рядовых и т.д. Для нас наибольший интерес представляет заключительная часть документа, в которой Г.С.Мороз стремится объяснить причины, побудившие его написать и отправить в ЦК доклад, не имеющий непосред/338/ственного отношения к его служебным обязанностям: "Думаю, что настоящий доклад не вызовет обвинений меня в чем-либо. Нахожу нужным отметить, что сам я — еврей, работавший и работающий все время среди еврейского пролетариата, с коим я связан тесными узами. Как бы мне не хотелось писать обо всем изложенном, но преданность Революции подсказывает мне это сделать(50).

Характерно, что член руководства одного из самых влиятельных учреждений страны должен оправдывать свое вынужденное обращение к еврейской теме и разъяснять свой интерес в этой области, дабы не быть неверно понятым в ЦК РКП(б).

Проблема присутствия евреев на "комиссарских" постах, в том числе и в ЧК, волновала не только члена Коллегии ВЧК. В Киевской ЧК в 1918 г. образовалась оппозиция евреям, "в результате чего

последовала команда не назначать более евреев на видные должности, а в агитационных целях приказывалось расстрелять кого-либо из евреев, что и было сделано"(51). Известна позиция по вопросу о представительстве евреев в ЧК и в различных советских органах Л.Троцкого, полагавшего, что присутствие заметного числа инородцев среди советских работников дает повод для широкой шовинистической агитации против советской власти(52).

На заседании Политбюро 18 апреля 1919 г. в присутствии Ленина, Крестинского и Сталина Троцкий поднял вопрос о представительстве национальных меньшинств в советских учреждениях и ЧК: "Огромный процент работников прифронтовых ЧК, прифронтовых и тыловых исполкомов и центральных советских учреждений составляют латыши и евреи... процент их на самом фронте сравнительно невелик и... по этому поводу среди красноармейцев ведется и находит некоторый отклик сильнейшая шовинистическая агитация... Необходимо перераспределение партийных сил в смысле более равномерного распределения работников всех национальностей между фронтом и тылом"(53). По этому вопросу участники заседания Политбюро постановили: "Предложить т.Троцкому и Смилге составить соответствующий доклад и сообщить этот доклад как директиву ЦК комиссиям, распределяющим силы между центральными и местными организациями и фронтом(54). Однако данные о том, что такая директива ЦК была издана, отсутствуют. Вероятно, Троцкий несколько сгущал краски, гово/339/ря об огромном проценте работников-евреев (в том числе и в ЧК). Представляется верным вывод о том, что подобная "озабоченность" Троцкого этим вопросом может быть объяснена главным образом "еврейским комплексом" самого Троцкого(55). Очевидно, что отдельные попытки регулировать национальный состав центральных и местных учреждений и органов госбезопасности не доводились до конца и не смогли, судя по имеющимся источникам, серьезно повлиять на этническую структуру советских учреждений, в том числе и на представительство евреев в аппарате органов ЧК.

У нас нет достаточных сведений, чтобы ответить, как относилось к чекистам, представлявшим национальные меньшинства, руководство ВЧК—ОГПУ, в частности Ф.Э.Дзержинский. Из анкет переписи служащих ВЧК 1918 г. известно, что некоторым согрудникам-полякам, которых Дзержинский, очевидно, знал по более ранней деятельности, председатель ВЧК сам давал рекомендации на службу.

Вероятно, Дзержинский ценил своих ближайших сотрудников-евреев. Из четырех помощников Дзержинского на посту председателя ОГПУ трое были евреями — второй заместитель председателя Г.Г.Ягода, секретарь председателя ВЛ.Герсон и особоуполномоченный при председателе М.М.Луцкий. Дзержинский должен был обладать собственным мнением о евреях — свои юность и молодость он провел в Вильно и Ковно с их многочисленным еврейским населением, а в его идейном развитии определенную роль сыграла полемика с Бундом, которую вел молодой социал-демократ Дзержинский. В молодые годы он был близко знаком с многими деятелями Бунда — одной из самых влиятельных социалистических организаций в Литве и Польше. В автобиографии Дзержинского можно встретить ряд свидетельств того, как бундовцы и даже еврейские контрабандисты неоднократно помогали молодому Дзержинскому бежать за границу — организовывали перенравы, доставали документы, устраивали на квартиры и т. п.(56). Сохранилось несколько документов, проливающих свет на отношение Дзержинского к евреям вообще и косвенным образом — на отношение главы ВЧК к евреям, работавшим у него в аппарате. В марте 1924 г. Дзержинский пишет записку своим заместителям по ОГПУ В. Менжинскому и Г.Ягоде, непосредственно/340/касавшуюся вопроса о преследовании сионистов. Поводом к ее написанию, как отмечает сам Дзержинский, послужило его знакомство с сионистскими материалами (вероятно, нелегальными изданиями действовавших в СССР групп сионистов, присланными одним из подразделений ОГПУ для сведения председателю). Дзержинский заявляет, что не считает разумным преследование сионистов — оно делает их только опаснее для властей, давая повод для шума и

криков, которые долетают "до банкиров и "евреев" всех стран и навредят нам немало"(57). Руководитель ОГПУ полагает, что деятельность сионистов для советской власти не опасна, поскольку находит отклик только среди "еврейской мелкой и крупной спекулирующей буржуазии и интеллигенции" (отметим, что речь идет об СССР 1924 г.). "Программа сионистов нам не опасна. — прямо пишет Дзержинский, — наоборот, считаю [ее] полезной"(58). А дальше он делает несколько неожиданное (для одного из первых людей в государстве) заявление: "Я когда-то был ассимилятором, но это "детская болезнь". Мы должны ассимилировать только самый незначительный процент [евреев], хватит. Остальные должны быть сионистами. И мы им не должны в этом мешать, под условием не вмешиваться в политику нашу. Ругать евсекцию разрешить, то же и евсекции". Дзержинский иронично заключает: "Пойти также сионистам навстречу и стараться давать не им должности, а считающим СССР, а не Палестину своей родиной"(59).

В этой записке Дзержинский демонстрирует, что ему не чужд распространенный набор стереотипов относительно евреев, их роли в обществе и их "истинной сущности". Дзержинского явно раздражают еврейские массы вообще и еврейские коммунисты в частности ("ругать евсекцию разрешить"). Он просто не доверяет евреям, подозревая большинство их в нелояльности советскому строю. У нас нет оснований считать, что подобная позиция председателя ВЧК—ОГПУ когда-либо проявлялась в практических действиях по формированию аппарата вверенного ему органа. В то же время нельзя сказать, чтобы Дзержинский совершенно забывал о еврействе своих даже ближайших сотрудников. Записка, о которой шла речь выше, адресована двум его заместителям — В.Менжинскому и Г.Ягоде. В последние годы своей жизни (Дзержинский умер в 1926 г.) он, будучи загруженным еще и на постах наркома путей/341/сообщения, а затем председателя ВСНХ СССР, (фактически перепоручил руководство ОГПУ своему первому заместителю Менжинскому, часто посылая тому записки по разным вопросам деятельности органов безопасности. Цитированная выше записка первоначально также была адресована "т.Менжинскому". Слова "и г.Ягоде" появились, судя по почерку, уже после того, как Дзержинский закончил писать этот документ. В компетенцию второго заместителя председателя ОГПУ не входили вопросы определения или изменения политической линии карательного органа. Дзержинский, вероятно, посчитал, что Ягоде как еврею будет небезынтересно и полезно ознакомиться с мнением своего руководителя о сионизме и евреях. Попытки анализа социального состава представителей еврейского меньшинства, находившихся на службе в ЧК—ГПУ. позволяют сделать некоторые выводы. Чекисты-евреи широко представляли основные социальные группы еврейского населения России. В то же время о латышах в ЧК этого сказать нельзя, что объясняется особенностями состава латышского населения, оказавшегося на территории России в годы мировой войны и революции. Этими же особенностями латышской диаспоры в России можно объяснить внутриэтническую сплоченность кадров латышей, находившихся на службе в ЧК—ГПУ. Важную роль в работе и быту чекистов-латышей играл латышский язык, в аппарате ВЧК активно функционировала латышская секция РКП (б). Напротив, чекисты-евреи, будучи выходцами из традиционной национальной среды, попадая на службу в советские учреждения, в том числе и в ЧК, постепенно утрачивали многие черты национального сознания и быта. В послереволюционные годы "национальное", "традиционное" в еврейской среде чаще рассматривалось как пережиток старого времени, а отказ от него обещал новые возможности в интернационализированном советском обществе. Двойственность положения евреев в Советской России сказывалась в том, что обращение к еврейским проблемам часто могло рассматриваться как проявление национализма, поэтому чекисты-евреи не стремились к национальной самоидентификации.

В 1930-х советские карательные органы, их цели и задачи формы и методы работы претерпели заметные изменения. Изменения коснулись структуры аппарата органов ОГПУ, во/342/шедших под названием Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) и его местных органов в состав НКВД (с 1934 г.), повлияв и на характер этнического состава этого аппарата. Первая половина

30-х характеризуется увеличением роли евреев в аппарате государственной безопасности. Оно было тем более заметным, что проходило на фоне снижения роли и численности в аппарате латышских кадров, многие из которых пришли на службу советской власти с первой революционной волной. К весне 1937 г. национальный состав местных органов госбезопасности (без ГУГБ) выглядел так (приводим первые десять позиций): русские — 15 570 человек (65%), украинцы — 2509 (10,5%), евреи - 1776 (7,4%), белорусы - 980 (4,1%), армяне — 426 (1,8%), татары — 363 (1,5%), грузины — 298 (1,2%), латыши — 256 (1,1%), казахи — 169 (0,74%), поляки — 144 человека (0,60%)(60). Изменения второй половины 30-х были связаны с волной репрессий, обрушившихся на НКВД после крупных политических процессов 1936—1937 гг. Так, были арестованы и уничтожены почти все начальники управлений НКВД, их заместители, следователи — все принимавшие непосредственное участие в подготовке и проведении московских процессов 1936 г. знали или могли знать тайны этих процессов, хорошо разбирались в механике набиравшей невиданные обороты репрессивной машины. По делам арестованных сотрудников НКВД обычно не велось никакого серьезного следствия. Стандартными были обвинения в троцкизме и шпионаже, за которыми следовал расстрел без суда.

Первые крупные репрессии внутри аппарата НКВД существенно повлияли на национальный состав карательных органов. Характерно, что в ходе этих репрессий национальное происхождение сыграло в судьбе многих чекистов роковую роль. А. Орлов (Л. Фельдбин), являвшийся в 30-х резидентом советской разведки в ряде стран Западной Европы и укrywшийся в 1938 г. в США, свидетельствовал: "Тем сотрудникам, кто был иди считался польского происхождения, объявляли, что они польские шпионы, латышам — что они шпионы Латвии, русским — что они шпионы Германии, Англии, Франции"(61).

Судя по имеющимся данным, одним из немногих национальных меньшинств, принадлежность к которому в конце 30-х не являлась для сотрудника НКВД "составом преступления", были/343/евреи. В органах госбезопасности еще не действовали те установки по национальной и кадровой политике, которые стали характерны для всего советского общества в конце 40-х — начале 50-х. Этот факт способен объяснить существовавшую накануне наиболее массовых репрессий картину национального состава руководящих органов НКВД. Представление об этой картине может дать список награжденных к 20-летию ВЧК—ОГПУ—НКВД их 407 ответственных сотрудников, опубликованный в центральной печати(62). Среди награжденных — 56 евреев (13,8%), 7 латышей (1,7%), 5 армян (1,2%).

Новая волна репрессий 1938—1939 гг. практически смела старые чекистские кадры, значительно изменив соотношение национальных меньшинств в аппарате государственной безопасности. К началу 1940 г. национальный состав центрального аппарата НКВД имел следующий вид: русских — 3073 человека (84%), украинцев — 221 (6%), евреев — 189 (5%), белорусов — 46 (1,25%), армян — 41(1,1%), грузин - 24 (0,74%), татар — 20 (0,5%), прочих — менее 0,5%(63) На протяжении 1940-х роль евреев в карательных органах оставалась весьма заметной и сошла на нет лишь в послевоенные годы, в ходе камлании по борьбе с космополитизмом.

Итак, на начальном этапе деятельности караульных органов, в эпоху красного террора, национальные меньшинства составляли около 50% центральному аппарату ВЧК. При этом доля национальных меньшинств на ответственных должностях в аппарате достигала 70%. Национальные кадры занимали должности, не пользовавшиеся особенной популярностью в партии большевиков. Возможно, евреи и представители других национальных меньшинств были в меньшей степени подвержены общему негативному настрою по отношению к ЧК.

Постепенно к середине 20-х доля представителей национальных меньшинств в аппарате снизилась. В целом по ОГПУ этот показатель унал до 30—35%, а в руководстве и среди ответственных работников — до 40—45%. Отмечалось уменьшение процента латышей и увеличение процента евреев. Снижение роли латышей в ОГПУ к концу 20-х объясняется в первую очередь отсутствием притока свежих латышских кадров при постоянном росте аппарата(64). Напротив, 20-е были временем значительного притока еврейских кадров в органы ОГПУ. Этот период характеризуется активным включением евреев в социал-демократическое строительство. Наблюдался их массовый приток в крупные города. Евреи стремились реализовать свои возможности, не востребованные в дореволюционный период. С учетом углублявшейся профессионализации органов госбезопасности евреи часто лучше других отвечали требованиям, предъявлявшимся к кадрам ОГПУ в новых условиях. При этом интересно отметить, что годы увеличения роли евреев в аппарате ОГПУ были и временем борьбы с оппозицией, имевшей определенный антисемитский подтекст(65).

Руководители партии и самих карательных органов обращали внимание на несбалансированное представительство национальных меньшинств (особенно в местных органах) и на использование этого факта для ведения шовинистической пропаганды, но не предпринимали достаточно настойчивых попыток, чтобы изменить сложившуюся ситуацию. Изменение в представительстве евреев, латышей и других национальных меньшинств в органах государственной безопасности являлось не результатом целенаправленной кадровой политики, а следствием объективных социальных изменений в советском обществе.

Евреи и другие национальные меньшинства, представленные в аппарате ЧК—ГПУ, могут быть по-разному охарактеризованы с точки зрения их социального облика и степени связей внутри своей национальной общности. Так, чекисты-латыши представляли собой достаточно сплоченную в национальном, сравнительно однородную в социальном отношении группу. В то же время сотрудники ВЧК — евреи в меньшей степени стремились к открытой национальной самоидентификации и представляли собой пеструю, весьма репрезентативную для своей национальности социальную группу.

Участие евреев в деятельности ВЧК—ОГПУ не может быть истолковано как национальный феномен. С одной стороны, это явление стало результатом социальных, политических и культурных процессов, происходивших в среде российского еврейства в пред- и послереволюционные годы. С другой стороны, свою роль сыграли особенности формирования аппарата карательных органов (кадровые сложности, невозможность привлечения старых специалистов, система личных рекомендаций). При этом в 20-е доля евреев в аппарате ВЧК—ОГПУ, как правило, была сравнима с их долей в партии большевиков./345

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Наиболее часто в этой связи вспоминают высказывания В. Ленина о евреях, которые спасли революцию, "саботировав саботаж чиновников". См.: Ленин В.И. О еврейском вопросе в России. [Запорожье], 1924. С. 17.
2. Мельгунов С.П. Красный террор в России: 1918—1923. 5-е изд. М., 1990. С. 177.
3. См.: Schapiro L. The Role of the Jews in the Russian Revolutionary Movement //The Slavonic & East European Review. 1961. XL; Gitelman Z. Jewish Nationality and Soviet Politics. Princeton, 1972; Nedava J.

Trotsky and the Jews. Philadelphia, 1972.

4. Gitelman Z. Jewish Nationality and Soviet Politics. P. 117

5. ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Ед. хр. 10. Анкеты не содержат прямых указаний на национальность сотрудников. Выводы о национальности анкетируемых делались на основании Ф. И. О. сотрудников в совокупности с анализом фактов их биографий, изложенных в ответах на вышеуказанные вопросы, данных о семейном положении, составе семьи опрашиваемого (место жительства членов семьи). В отдельных случаях в качестве контрольных использовались данные анализа степени грамотности, особенностей орфографии и почерка сотрудников. В большинстве проанализированных источников, содержащих сведения о персональном составе аппарата ВЧК—ОГПУ (анкеты переписей, списки и ведомости работников, протоколы заседаний комиссий по проведению чистки партийных ячеек, сведения о личном составе и т.п.), отсутствуют данные об этническом происхождении. Выявляя национальный состав аппарата, мы прежде всего руководствовались критериями, применяемыми в отечественной исторической демографии. Учитывались фамилия, имя, отчество, место рождения, социальная принадлежность. Очевидно, полной точности в таких условиях добиться не дается. По вышеуказанным признакам легче идентифицируются представители таких национальных меньшинств, как евреи, латыши, венгры. Степень достоверности анализа зависит от полноты различных данных, приведенных в отдельных источниках. Так, например, наиболее точные выводы можно сделать на основе биографий чекистов, содержащихся в протоколах заседаний проверочных комиссий, проводивших чистку ячейки ВКП(б) в ОГПУ (1925, 1929/30 гг.). Во всех случаях потушенные данные сопоставлялись друг с другом, а также с данными иных, в том числе и опубликованных, источников.

6. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3, 4, 7, 34, 65. 66с, 68, 74, 84.

7. Там же. Ф. 613. Оп. 2.

8. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 279.

9. Терне А. В царстве Ленина. Очерки современной жизни в РСФСР, 2-е изд. Berlin, 1922. С. 57./346/
10. Красный меч. Орган Политотдела Особого корпуса войск Всеукраинской ЧК. 18 авг 1919. (Цит. по: ВЧК—И ИУ: Сб. документов. Вепсеп, VT, 1989. С. 65).

11. Известия. 1922. 17 дек.

12. Правда для служебного пользования: Из документов личного архива Ф. Дзержинского, 1918-1921 // Неизвестная Россия. XX век. Кн. 1. М., 1992. С 45.

13. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 4. Ед. хр. 194. л. 9; Из истории ВЧК. 1917-1921 гг.: Сб. документов. М., 1958. С. 216. 409.

14. Литвин А. Л. Красный и белый террор в России: 1917—1922// Отечественная история. 1993. № 6. С. 51.

15. Аронсон Гр. На заре красного террора. Berlin, 1929. С. 155.

16. Мельгунов С.П. Красный террор в России... С. 177.

17. Измаилович А.А. Семь недель в ВЧК // Кремль за решеткой: Подпольная Россия. Berlin, 1922. С. 120.

18. Мельгунова-Степанова П. Е. Где не слышно смеха... Типы, нравы и быт ЧК: Отрывки из воспоминаний 1917—1922. Paris, 1928. С. 10, 12, 24, 40, 71, 93, 24.

19. Аронсон Гр. На заре красного террора. С. 68.

20. Шестов Л. Что такое большевизм. Berlin, 1920. С. 16.

21. Мы в данном случае не касаемся мнений антисемитски настроенных как противников, так и сторонников большевизма, для которых любой факт участия евреев в революционном движении, коммунистической партии. ЧК и пр. либо служил лишним оправданием своего неприятия евреев, либо вызывал желание избавиться от "еврейского влияния" в революции.

22. Bryant L. Mirrors of Moscow. N. Y., 1923. P. 52. Отметим, что упоминание евреев в этом отрывке выглядит не вполне логичным (автор не говорит ни слова о евреях ни до ни после этой фразы). Вероятно, его появление связано с распространенным и в России, и за границей впечатлением о засилии евреев в ЧК. Брайант, убедившись в преувеличенности подобного представления,

постаралась его развеять.

23. Есенин С.А. Собр. соч. в 6-ти тт. М., 1978. Т. 3. С. 113-114.

24. Мельгунов С.П. Красный террор в России... С. 177.

25. Bryant L. Mirrors of Moscow. P. 52

26. РЦХИДНИ. Ф. 445. Оп. 1. Ед. хр. 62. л. 175.

27. Лацис М. Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией. М., 1921. С. 12.

28. Литвин А.Л. Красный и белый террор в России... С. 52.

29. В октябре 1918 г. ЦК РКП(б) направил всем губкомам партии письмо, в котором сообщалось, что после объявления красного террора "под влиянием... страха и воплей пострадавшей буржуазии в целом ряде Советских учреждений... и даже, что очень печально, среди отдельных членов нашей партии начался поход против ЧК"/347/(РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 4. Ед. хр. 194. Л. 20). На Всероссийском съезде председателей губернских ЧК летом 1919 г. одним из важнейших пунктов был вопрос, "как отразился поход против Чрезвычайных комиссий со стороны местных Советских организации" (там же. Оп. 66. Ед. хр. 65. Л. 138). Судя по имеющимся данным, преобразование ВЧК в ГПУ в феврале 1922 г. не смогло серьезно повлиять на изменение отношения в партии, в обществе к этому органу. Накануне открытия X Всероссийского съезда Советов заместитель председателя ГПУ И. Уншлихт просил Секретаря ЦК И. Сталина включить в повестку дня съезда доклад о деятельности и задачах ГПУ, поскольку "широкие круги партийных и советских работников недостаточно ориентируются в новых методах работы ГПУ, отсутствует тесная связь между другими советскими органами и ГПУ, отсутствует сознание необходимости всяческой поддержки органов ГПУ" (там же. Оп. 84. Ед. хр. 397. Л. 146).

30. Там же. Ед. хр. 114. Данные приводятся в Сводке сведений с мест по исполнению циркулярного письма ЦК РКП от 2 марта 1920 г., обязывающего коммунистов в армии быть осведомителями Особотделов. Общее настроение по России — "коммунисты не желают быть осведомителями" (Л. 23).

31. Здесь и далее все данные по аппарату ВЧК на 25.09.1918 г. рассчитаны по материалам переписи служащих ВЧК (ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Ед. хр. 10). Представители шести других национальных меньшинств составили в сумме около 4% сотрудников.

32. Представители других национальных меньшинств составили в сумме около 2% ответственных сотрудников ВЧК.

33. По Брестскому договору (март 1918 г.) большая часть территории Латвии была фактически поглощена Германией.

34. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 84. Ед. хр. 144. Л. 38. Представители 14 других национальностей составляли в сумме 6,7% от общего числа работников местных секретных отделов.

35. Там же.

36. Обзор деятельности ВЧК за 4 года, С. 271—272. (Цит. по: Литвина АЛ. "Красный и белый террор в России..." (С. 61, прим. 64).

37. Варава М.К. К вопросу о численности латышей в России в 1918— 1926 годах // Коммунист Советской Латвии. 1990. № 11 — 12. С. 140.

38. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 7. Ед. хр. 92. Л. 1, 16. Данные переписи населения 1920 г. в границах СССР 1922 г. (без учета Дальнего Востока и Якутии). При известной ущербности результатов первой советской переписи населения ими оперировали организаторы партийной переписи 1922 г.

39. Там же. Оп. 84. Ед. хр. 397. лл. 16, 96. (Штатное количество сотрудников ВЧК по состоянию на 14 февраля 1922 г.; штат ГПУ по состоянию на 10 мая 1922 г.)/348/

40. Там же. Оп. 34. Ед. хр. 342. Лл. 14—17. (Сведения по руководству ОГПУ /15 отделов. Коллегия и секретариат Коллегии/ из 96 человек).

41. Там же.

42. Там же. Оп. 68. Ед. хр. 532. Л. 159.

43. Там же. Лл. 230-238.

44. Там же. Ф. 613. Оп. 2. Ед. хр. 15. Подсчет приведен по материалам Протоколов заседаний проверочной комиссии ЦК РКП(б) по проверке членов и кандидатов РКП(б) ячейки ОГПУ от 5—31

января 1925 г.

45. Там же. Оп. 68. Ед. хр. 632. Лл. 2—9.

46. Известия. 1927. 18 дек.

47. ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Ед. хр. 10; РЦХИДНИ. Ф. 613. Оп. 2. Ед. хр. 15, 24, 25.

48. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 68. Ед. хр. 632. Л. 159.

49. Из истории ВЧК: 1917-1921 гг. С. 266-267.

50. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 66. Ед. хр. 65. Лл. 27-27об.

51. Свидетельство опубликовано в книге М. Агурского "Идеология национал-большевизма" (Paris. 1980. С. 238) со ссылкой на эмигрантский журнал "На чужой стороне" (1925. Т. IX).

52. Роговин В.Л. Д. Троцкий об антисемитизме // Вестник Еврейского университета в Москве. 1993. № 2. С. 92—93.

53. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 1.

54. Там же.

55. Nedava J. Trotsky and the Jews P. 122.

56. Дзержинский Ф. Э. Автобиография // Чекисты. Л., 1977. С. 27.

57. РЦХИДНИ. Ф. 76. Оп. 3. Ед. хр. 326. Л. 2.

58. Там же. Это замечание Дзержинского вступает в противоречие с представлениями о практическом вреде сионизма для советской власти, изложенными в секретном циркуляре "Всем местным ЧК", изданном 1 июня 1920 г.: "...Сионизм, охватывающий почти всю еврейскую интеллигенцию, если бы ему суждено было осуществиться, немедленно лишил бы нас огромнейших кадров, необходимых для воссоздания нашего народного хозяйства... которыми при нашей бедности приходится до поры до времени дорожить" (ВЧК—ГПУ: Сб. документов. С. 126 - 127). Возможно, впрочем, Дзержинский считал, что то время, когда этими кадрами можно не дорожить, к 1924 г. уже наступило.

59. РЦХИДНИ. Ф. 76. Оп. 3. Ед. хр. 326. Л. 2.

60. Кокурин А.И., Петров Н.В. НКВД: структура, функции, кадры// Свободная мысль. 1997. № 6. С. 118.

61. Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. М., 1991. С. 214.

62. Известия. 1937. 20 дек.

63. Кокурин А.И., Петров Н.В. НКВД// Свободная мысль. 1997. № 6. С.113./349/

64. Количество латышей в СССР в эти годы неуклонно снижалось. В 1920 г. в России проживало около 290 тыс. латышей. С 1920 по 1926 г. в Латвию реэвакуировалось около 138 тыс. латышей. Поданным всесоюзной переписи населения, в 1926 г. в стране проживало 151 410 латышей (Варава М.К. К вопросу о численности латышей. С. 141 — 142).

65. См.: Роговин В.Л. Д. Троцкий об антисемитизме. С. 90—192./350/